

Георгий Юров

День Аркарана

Хроники Серединного мира

16+

Георгий Юров
День Аркарана

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Георгий Юров

День Аркарана / Георгий Юров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта повесть - продолжение книги "Пророк" из цикла повествований о Серединном мире. Забыл сказать, что события, описанные в "Полнолунии", произошли за тридцать лет до всех остальных. Старый мир ушёл в небытие, но жизнь не стоит на месте и новые боги, укрепившись на местном Олимпе, требуют в свою честь великих свершений, двигая людьми, словно фигурами, в задуманной ими игре.

Георгий Юров День Аркарана

Солнце стояло в Скорпионе и на день осеннего равноденствия приходился один из главных праздников старой веры – день Сагангана, олицетворявшего не закольцованное на года и столетия вечное время. Ириды, носители священных принципов Сагангана, изображались крылатыми львами с головой бородатого мужа в королевской короне и их часто использовали для защиты от зла. Через ритуалы праздника народ прикасался к бесконечному, устраивая по этому поводу маскарады. Считалось, вечное срывает сегодня маски, всю ложь и наносную мишуру, обнажая истину. Стремясь настроить себя в преддверии прячущейся во мраке зимы на истинное понимание добра и зла, люди из года в год повторяли в этот день мистерию одевания и снятия масок. Стекаясь по улицам к главной площади их, потом сжигали огнём подсвечников о четырёх свечах, под пение священных псалмов.

Так было сотни лет, и воцарившаяся Элисандра не в силах искоренить полуночный обряд была вынуждена найти ему место в признаваемых новой верой торжествах, приурочив к празднованию сбора урожая. Река огней по-прежнему стекала к площади у Касагранды, лишь только славили теперь не Триолана, а Непорочную Деву. Бальтазар участвовал в мистериях всю свою жизнь, вначале как рядовой участник, позднее одним из верховных жрецов и теперь, во времена гонений шёл вместе со всеми, освещая путь четырьмя свечами. Низложенный Экзарх снова стал одним из толпы, но даже если б вокруг больше не было никого, он всё равно проделал бы этот путь, пусть и в последний раз. Хотя маска закрывала лицо, прошлое не отпускало даже сейчас – слишком долго он носил свой титул и отвернувшиеся от него братья узнавали его и сторонились от этого.

Было уже далеко за-полночь, когда по выложенной брусчаткой дороге старик пришёл к своему дому, уединённо стоявшему на вершине небольшого холма. Устало опираясь на посох, он вдруг увидел за поворотом невысокого, тщедушной комплекции человека, прячущегося в густой тени. Убывающая луна давала немного света, но всё же его хватило, чтобы увидеть в руке длинный нож, которым продавцы обычно резали хлеб.

Бальтазар попятился, скорее, от неожиданности, чем от страха – он был слишком стар, чтобы бояться за свою жизнь – и, не удержав равновесия, повалился на спину, широко раскинув в стороны руки. Разбойник в маске смеющегося мужчины с закрученными вверх усами бросился на него и, усевшись на грудь, занес над ним нож.

– За Валаама! – крикнул он взволнованным фальцетом. Уходили мгновения, но клинок не вонзался в гулко бьющееся сердце и тогда бывший жрец, нацупав вылетевший посох, ударил его в грудь. Схватившись за солнечное сплетение, несостоявшийся убийца повалился на бок, жалобно застонав. Встав на четвереньки, удивлённый всем этим Бальтазар отшвырнул нож и снял маску с его лица. Глаза девушки, совсем ещё ребёнка застилала пелена боли, но сквозь неё проглядывали решительность и злость.

– Ты та девочка, которую целитель вырвал из лап смерти, – утвердительно качая головой, произнёс старик, всё также стоя на четвереньках, разглядывая обезображенное ожогом лицо.

– А ты тот. Кто убил его, и я поклялась его памятью, что найду тебя и прикончу, пока птицы в башне не склевали остатки мяса с твоих костей.

– Ты не убийца и поверь мне, убить человека не просто, особенно, таким как мы...

– Я не такая как ты и не сравнивай меня с собой и тем более с ним, – перебила Фейга и не найдя ножа с искажённым ненавистью лицом швырнула в Бальтазара кусочком отколовшегося от брусчатки камня. – Он был добрым, он целил людей и учил их своей добротой и если бы не ты, мерзкий паук с ожесточившимся от старости сердцем он смог бы исцелить этот мир!

– Моё сердце ожесточилось не от старости, а от боли заполнившей землю и уничтожившей всё, что было дорого ему. И теперь оно не годится больше для любви и сострадания, а только лишь для отпущения грехов.

– В чём же заключался грех Валаама, в том, что помогал людям?

– Он вводил их от истинного Бога своими проповедями, возможно не желая того становясь для них если и не Богом, то во всяком случае Его Пророком, расставив сети показной доброты, но ник-то не знает, чего добивался он на самом деле. Он не прошёл моего испытания, а значит, был не тем, кого ждал я всю жизнь, – грустно закончил бывший жрец и, опираясь на посох с трудом поднялся на ноги.

– Даже теперь ты грустишь не о том, что предал невинного смерти, а что всё, во что верил, чему отдал жизнь, оказалось пустыми словами. То, что делал ты долгие годы, чему учил людей, было напрасным и лживым! Но он, он другой – чистый и светлый, а ты, жалкий старикашка напрасно думаешь, что смог убить его. Ведь тела до сих пор не предано ни земле, ни ветру и он снова вернётся сюда, где начался его путь служения людям, дабы вершить свой суд! И не будет тебе прощения и покоя ни среди живых, ни среди мёртвых. Зазвучат трубы небесные и ангелы спустятся с облаков, восстанут мёртвые из праха и станет судить он их, отделяя грешных от праведников. И будут праведники жить вечно, грешникам же гореть в гиене огненной до скончания веков!

Собравшийся было уйти Бальтазар молча смотрел на Фейгу, дивясь словам её, возможно узнавая в ней себя, а потом сказал: – Он кажется тебе не тем, кем был на самом деле. Сладкий яд его слов, что до сих пор сочится из твоих уст и благодарность за спасение, заставляют видеть его Пророком, посланным на землю. Только это не так. И он не вернётся, тело его либо лежит где-то на дне реки, зацепившись за корягу, либо спрятано кем-то из последователей. Но ты, ты можешь рассказать о нём людям, описать деяния день за днём, чтобы память о Валааме – как звал он себя – не затерялась во времени.

– Ник-то не станет слушать, – сокрушённо покачала головой девочка. – Слуги Элисандры, будь проклято её имя, схватят меня, и бросят в Драконий Коготь, и уж я-то точно останусь там навсегда. А наукам я не обучена. Да и где бы взяла пергамен с чернилами? Ведь у меня нет денег даже на еду.

– Это всё есть у меня, и я могу обучить тебя письму и чтению, а за это ты станешь прислуживать мне в моём доме. Прежние слуги разбежались, а оставшаяся верной служанка слишком стара и нерасторопна. Так что, мир? – спросил он глядевшую на него Фейгу, но та лишь презрительно плюнув ему под ноги, наконец, поднялась с земли и, прихватив отброшенный Бальтазаром нож, скрылась во мраке.

Прошла неделя со дня Сагангана и старик почти забыл о неудавшемся покушении, вспоминая о нём лишь от боли в ушибленной при падении спине, когда в полдень на удивление тёплого как для середины осени дня в его дверь постучали. Пожилая служанка неторопливо дошла до калитки и наконец, открыв, увидела лишь пустую улицу. Недовольно ворча на глупую шутку, она закрыла дверь и пошла назад, но когда почти доковыляла до дома стук повторился. Старуха развернулась и, чертыхаясь хотела было снова идти, когда Бальтазар, показав ей жестом оставаться на месте, сам пошёл к входу. Открыв дверь, он собрался отчитать, кого бы то ни было, но увидев Фейгу осёкся.

– Ты пришла заключить со мной мир?

– Перемирие. Не думай, что я простила тебя – содеянное тобой слишком ужасно, но нельзя, чтобы память о Валааме, исчезла или была оболгана такими как ты. Научи меня таинству знаков, и тогда я смогу записать всё чему он учил и что делал, дабы мудрость его осталась в веках. А за это, так и быть, стану прислуживать тебе, хотя ты и не заслуживаешь награды.

***

После случившегося примирения с Бальтазаром жизнь девочки изменилась. Валаам, даже погивнув, будоражил людские умы, да и сама смерть проповедника не выглядела концом пути – люди видели, как его поглотила пучина, но тела так и не нашли. Сгоревшая слободка пустовала недолго, паломники не только из Добробрана, а из самых дальних пределов королевства стекались сюда, ибо считали это место святым.

Некоторые из учеников Валаама называли теперь себя Апостолами, и Фейга, как любимица опального лорда де Вальсамона считалась среди них своей. Но чем больше времени проходило со дня трагической гибели целителя, тем больше отдалялись они от истины его учения. Каждый из доброго десятка человек толковал проповеди по своему, привнося в них собственные новшества, у каждого были теперь свои сторонники, и между Апостолами не стало единства. Каждый из них пытался привлечь девочку на свою сторону, но она слишком любила Валаама и потому решила собрать в рукопись деяния и всё, чему действительно учил он – Евангелие от Фейги.

Последователи Валаама пытались выстроить напротив места, где закончился его земной путь каменную ротонду с вечно горящим огнём, но клирики Храма всякий раз разрушали её и люди просто сложили на этом месте камни, надеясь, когда-нибудь исполнить задуманное. Непорочная-Дева ревностно следила за своей паствой; новое, едва родившееся учение было признано ересью, а его последователи объявлены вне закона. Опасаясь расправы, adeпты Валаама собирались под покровом ночи, прячась как звери, в пещерах песчаных холмов правого берега. Там они проводили свои службы, читая молитвы Триолану при свете горящего жертвенника, сходясь во мнении, что Учитель был его Пророком – реинкарнацией Ария – посланным на землю.

Фейга редко посещала эти сборища, сосредоточившись на собственной миссии. Теперь она жила в доме Бальтазара, утром и днём занималась домашними делами, а вечером училась грамоте и письму. Престарелая Хлоя, служанка смещённого Экзарха была медлительна и нерасторопна. Ноги её опухли, став похожими на слоновьи и девочка даже пыталась лечить её, по примеру Валаама водя руками над распухшими чреслами, надеясь в душе, что способности целителя передадутся ей. Но старалась напрасно. Страдающая от тяжести в ногах женщина была добра к Фейге и та пыталась облегчить ей труд, беря всю тяжёлую работу по дому на себя.

Это занимало много времени, и когда у неё выдавался свободный час, между работой и учёбой она посвящала его рисованию, обнаружив в себе способности к нему. Вначале рисовала палочкой на песке, в основном то, что видела – реку, небо, дома поблизости, людей и животных. Потом полотном для её рисунков стала гладкая выбеленная солнцем стена дома и девочка изображала на ней кусочками угля уже то, что волновало её по-настоящему. В этих робких набросках отчётливо угадывались недавние события: приход Валаама в Добробран, исцеление людей – в том числе и Фейги – заточение в крепости, последующее бегство и наконец, гибель. Работам не хватало мастерства и таланта, но девочке и не требовалась стопроцентное сходство – она лишь желала сохранить память об этой необыкновенной личности.

При своём странном для богача образе жизни, Бальтазар оставался человеком небедным и, хотя совсем не занимался коммерческими делами, его многочисленная родня заботилась о блаженном старике, выделяя процент с ренты земель. Бальтазар вёл жизнь аскета, был непритворлив к еде, не окружал себя роскошью и одевался просто, а весь доход, раньше выделяемый на поддержание угнетаемой Элисандрой веры, теперь тратил на создание библиотеки.

Нанятые им люди ездили по королевству, выискивая в полуразрушенных храмах посвящённые Триолану рисунки и надписи, выбитые на плитах пола или рисованные на фресках стен. То, что можно было извлечь, извлекали, а остальное просто переписывали в бумажные свитки, перенося затем на пергамен и делая со временем полноценным Кодексом. Обладая деньгами и свободным временем, старик собирал воедино по крупицам все доступные ему сведения, надеясь, что время опалы Триолана рано или поздно кончится. Дожить до этого дня он

не надеялся, не видя силы способной пошатнуть устои правления самозванки, а потому хотел оставить своим последователям как можно больше сведений о преданном Боге.

Полдюжины переписчиков под его присмотром записывали учение Ария в богато украшенные кодексы. Кропотливая работа шла медленно, ведь каждую молитву, притчу, проповедь или повествование о сотворении мира и жизни Пророка предстояло записать вручную, потом художники украшали страницы рисунками на соответствующие темы, затем их раскрашивали и сшивали листы, украшая кожаные обложки серебром и позолотой. Все писцы были мужчинами, женщин подпускали лишь на стадии выделки кожи для страниц, но для девочки, видя её усердие в рисовании, Бальтазар сделал исключение, доверив раскраску рисунков тонкой кистью из конского волоса.

Девочка заучивала руны, старательно записывая их острым костяным стержнем на небольшом покрытом слоем воска прямоугольнике из чёрного сланца. По вечерам, когда переписчики расходились, старик давал ей тот или иной Кодекс с божественными текстами, и она складывала руны воедино, превращая в слова. Фейга обладала цепкой памятью и со временем могла уже вполне бегло читать, а вот письмо ей давалось не так легко.

Зима в том году выдалась тёплой, слякотной и дождливой. Тяжёлые мрачные тучи тёмной пеленой почти всё время застилали небо и такие же безрадостные тревожные вести приходили из-за моря в форт Канингема, приводя людей в уныние. Купцы и беженцы из-за Азгора рассказывали о безжалостной орде, появившейся на морских разбойничьих судах, захватывавшей теперь одно королевство за другим. Предводительствовал бесчисленным воинством молодой царь, которого называли они Басадор, возжелавший подчинить себе весь Серединный мир, настолько могущественный, что даже повелевал силами тьмы. Огнедышащее чудовище о многих головах испепеляло каждого, кто вставал на его пути, и не было спасения от этой великой напасти.

Одни владыки признавали над собой власть чужеземцев, отдавая ключи от городов своих, другие оказывали сопротивление, но чудовище со змеиной головой, чешуя которого была так прочна, что стрелы не пробивали её, уничтожало боевые порядки, рекою огня, обращая противника в паническое бегство лишь одним своим появлением.

Покинувшие дома люди клялись и божились, что видели, как огонь вырывается из пасти чудовища. Что монстр тот с мужской головой, что у него два сросшихся между собой тела: одно – чудовища, другое – человека, а что было из этого правдой, ник-то доподлинно не знал. Королева решила прекратить зарождающуюся панику и глашатаи на рынках и площадях зачитывали толпе воинственные речи, что армия Добробана сильна, а легионы Непобедимых смогут дать достойный отпор любому врагу. Что стены крепости слишком прочны и не стрелы, ни камни, ни пламя не смогут навредить защитникам города.

Всю зиму королевство будоражили ужасные слухи, впрочем, так и, оставаясь пока что слухами. Разве что беженцы из охваченных войной пределов всё чаще появлялись на землях королевства, в основном вдали от столицы – Элисандра строго-настрога запретила им селиться в её чертогах, дабы не будоражить жителей, а в конце зимы случилось событие, отвлекшее город от тревожных вестей.

***

Фейга месила тесто для хлебов, под присмотром Хлои, что давала советы по поводу и без, сидя на каменной ступени. Подсказки старухи сильно досаждали девочке, но она терпела, изгоняя из сердца раздражение, дабы тесто не скисло, а каравай вышел румяным и вкусным. Рано умершую мать Фейга не помнила, но Валаам учил что, мы есть то, что едим, а вкус пищи напрямую зависит от настроения повара, и отношения к тем, кто будет вкушать его блюда...

Настойчивый стук в дверь отвлек девочку от благостных мыслей. Бальтазар растапливавший печь для стряпни, с досадой глянув на никак не разгорающиеся сырые дрова бросил своё занятие и пошёл открывать настойчиво стучащему в ворота гостю. Но едва отпер дверь,

Роланд, теперь один из старших Экзархов Отвергнутого Бога почти влетел внутрь, находясь в таком же волнении, как был когда пришёл сказать о появлении Валаама. Слишком много слов крутилось на его языке, и оттого он молчал, словно не зная с чего начать.

– Что стряслось на этот раз? – удивлённо глядя на него спросил старик. После того как Бальтазар одел чёрное, они больше не виделись – юноша старательно избегал с ним встреч всё это время.

– Почему ты так решил? Впрочем, да, случилось, – ответил молодой человек, наконец, сказав то ради чего собственно и пришёл: – Мы нашли целителя.

– Вы нашли лжепророка? – произнёс старик, мрачней. Он думал, история Валаама кончилась на дне реки, и почему-то уверовал, что тело его не будет найдено.

– Не я конкретно, люди. Его изъеденный раками труп сегодня вытащили сетями рыбаки рядом с мельницей Якоба Борнэра.

– Ты уверен, что это он?

– Я только что оттуда. Тело сильно изуродовано, но по всему выходит, что пролежало в Лее с лета.

– Мельница Якоба гораздо ниже того места... – сказал Бальтазар и осёкся, не желая вдаваться в подробности гибели проповедника; это были не самые добрые для него воспоминания.

– Ниже, но не выше. Тело снесло течением, он зацепился за корягу и лежал под водой, пока не оказался в сетях, – заметил на это гость, не видя в том проблемы, всё также стоя у ворот. В этот момент, не пропустившая ни слова в их разговоре Фейга, бросив своё занятие, проскользнула в открытую дверь, и быстро пошла вниз к невидимой за поворотом дороги реке.

Известие о найденном теле лорда Вальсамона всколыхнуло Добробран. Обыватели, как сторонники Валаама, так и его враги устремились к месту, где до сих пор лежал найденный труп. За лодку давали сейчас серебряную монету, как и за место в подводе, те же, у кого не было денег шли пешком, в надежде увидеть своими глазами труп Целителя и Пророка.

Когда Фейга добралась на попутной подводе к мельнице Якоба, там происходило форменное столпотворение. Солдаты Элисандры оцепили место находки и люди смотрели, кто с брезгливостью и отвращением, кто со слезами любви на обезображенный долгим пребыванием в воде мужской труп. Апостолы, на время, забыв о разногласиях, в полном составе были здесь, как и многие клирики Храма, важные люди из Касагранды тоже пожаловали сюда и даже бесстрастное лицо Командора Тайного Ордена, Мастера Брандта мелькнуло в толпе, что говорило о явной чрезвычайности, казалось бы, рядового происшествия.

Для сильных мира сего труп Валаама стал концом красивой легенды о божественной сути проповедника, и даже в глазах Апостолов читалось явное облегчение. Иметь дело с человеком всё же проще чем с Божеством. Апостолы не без содействия Командора, фактически второго человека в королевстве, стояли внутри кольца стражи; Фейга хотела пройти к ним, стражники её не пустили, но Авессалом, один из Апостолов попросил за неё стоявших тут же клириков и девочку пропустили.

Остановившись в нескольких футах от тела она, не сдерживая слёз, смотрела на того, кого любила, пожалуй, больше отца и за кого готова была пожертвовать не только жизнью, но и душой. После долгого пребывания в воде различить черты лица сделалось невозможно, стало трудно понять кто перед нею вообще – старик или юноша. Кожа на теле полопалась и свисала с обглоданных водными тварями костей. Некогда добротная одежда за долгое время превратилась в лохмотья. Мочевой пузырь раздулся, выпирая сквозь чудом сохранившуюся на животе кожу и остатки мышц. Казалось, утопленник стал даже меньше ростом, но это возможно, оттого что тело практически превратилось в скелет.

Валаам при жизни значил для Фейги очень много и теперь желая воздать должное, этому удивительному человеку она вдруг опустилась рядом с ним на колени, пытаясь разглядеть знакомые черты. Сердце её молчало, возможно, она была слишком опустошена внезапным изве-

стием, к которому была в душе давно готова, и всё же надежда на чудесное спасение не оставляла её. Но вот теперь всё было кончено.

Взяв в руки пальцы ладони, она, закрыв глаза, чтобы не видеть на половину сгнившего зловонного трупа пыталась почувствовать хоть что-то, уловить какой-то не заметный другим знак, ведь Целитель любил её словно свою дочь. Внезапное озарение заставило её сердце неистово биться, и ещё не веря себе, она смотрела на лежащего перед нею мертвеца. Встав с мокрого песка, она молча прошла сквозь цепь воинов и, не сдерживая слёз, пошла прочь, под жалостливые и злобные взгляды стоявших на берегу людей. Фейга снова плакала, но уже не от горя, а от радости переполнявшей её, как озеро переполняет весной свои берега. Не счастье, лишь облегчение нечаянно навестило душу девочки, ведь там, у трупа бедняги, лежащего на берегу реки, на левой руке было шесть пальцев.

***

Когда Фейга вернулась уже в кромешной тьме, испечённые пироги давно вынули, и они почти остыв, стояли на столе в ожидании ужина, который отложили до её возвращения. В трапезной Бальтазара стоял стол, где он обычно принимал пищу вместе с писцами, помогавшими ему в создании библиотеки. Глядя на загадочное лицо девочки он ничего не сказал, пригласив всех к столу, и лишь потом спросил её, когда они остались вдвоём:

– Как я понимаю, ты не веришь, что это Валаам.

– Я не знаю кто это, но точно не Целитель.

– Об этом сказала тебе твоё сердце?

– Не только. У милорда были обычные руки, этот же человек шестипалый. На левой кисти у него совсем маленький, почти незаметный отросток, наподобие мизинца ноги, но у Валаама его не было, и я могу поклясться в этом его памятью.

– Может быть, ты просто не заметила, а он тщательно скрывал свой недостаток?

– Ты пытаешься убедить меня в том, чего нет, старик. Я знаю точно, что у Валаама было по пять пальцев на руках, ведь я столько раз видела их, – упрямо твердила девчонка; в глазах появились слёзы, а лицо напряглось. Понимая бессмысленность попыток разубедить её, Бальтазар пошёл в дом, а девочка отправилась мыть посуду к большой каменной чаше у колодца.

Ночью Фейга долго не могла уснуть, до глубокой ночи она вертелась на ложе из досок с постеленным на них набитым соломой матрацем, под храп давно уже спящей Хлои. В последнее время женщина стала совсем беспомощной. И без того распухшие лодыжки раздулись ещё больше и она почти не передвигалась, большей частью сидя на одном месте. Если всё же шла куда-то, то не переставляла ноги, а просто волочила их по земле, словно были они неподъёмны.

Когда девочка, наконец, уснула ей, приснился странный сон. В эту ночь ей отчего-то приснилась Хлоя, мёртвая, истекающая красной до черноты кровью Хлоя, лежащая посередине двора. И казалась отчего-то необычайно огромной, заполонившей собою всё пространство. Раскинув руки в стороны, старуха лежала на спине, пялясь мёртвыми глазами в небо, но когда Фейга хотела закрыть их, маленький наглый воробушек клюнул её в руку. Дерзкое существо не отставало от девочки, оно кружило над ней, клюя всякий раз, когда та склонялась над женщиной и тогда Фейга погналась за воробьём, желая прогнать его. Но тот, словно смеялся над ней, не улетаая, а будто ведя за собой. В поисках назойливой птицы девчонка зашла в дом. Она больше не видела её, зато слышала монотонное чириканье и, идя на звук, вышла к библиотеке, заметив сидящего на толстом Кодексе воробья, что, упиравшись лапами в пергаменные страницы, тянул стебель засушенного цветка. Наконец упорство было вознаграждено: настойчивая птица вытащила цветок, и Фейга увидела как-то попавшую в середину Кодекса чёрную розу.

Она проснулась и так лежала, не открывая глаз, боясь спугнуть навеянный сновидением образ. Чёрная роза была на гербе Дома Вальсамонов и теперь девочка не сомневалась, что это тот самый знак, о котором она молила судьбу. Утром за завтраком Бальтазар хмуро смотрел на её задумчивое страшное лицо, а, потом, не выдержав всё же сказал, когда больше в зале

никого уже почти не осталось: – Вижу мои слова заставили тебя сомневаться в увиденном. Слово иногда бывает жестоким.

– Не это тревожит меня. Я видела сегодня во сне воробья держащего в клюве засохшую розу, а ещё то, что Хлоя умерла.

– Значит, время её пришло, – пожав плечами, ответил на это старик. – Мне будет её не хватать; сколько помню себя, она всегда была рядом.

– Но ведь это только сон! – поражаясь его словам, воскликнула девушка, привлекая внимание заканчивающих трапезу переписчиков, сидевших в другом конце стола. Нельзя считать мёртвым того кто ещё жив!

– Сны не что иное, как замыслы Богов, которые они вкладывают в голову человека. Тебе ничего уже не изменить.

– Возможно, – ответила девочка, гневно сверкнув глазами, будто именно Бальтазар был причиной грозящей старухе гибели. – Но я не могу просто смотреть, как она умирает и сделаю всё, чтобы этого не произошло!

Слух о том, что Хлоя скоро умрёт, быстро разлетелся по дому. Сама женщина всё также неторопливо занималась домашними делами, с удивлением ловя на себе тревожные, жалостливые взгляды, ведь спустя недолгое время каждый из писцов был уже в курсе уготованной ей судьбы. Короткий зимний день быстро подошёл к вечеру. Хлоя медленно несла на коромысле небольшие кожаные вёдра с водою для кухни, когда стоявшая во дворе на вершине холма телега, к колесу которой прикрепили новый железный обод, но почему-то не убрали со двора, внезапно соскочила с подставленного камня.

Набирая ход повозка, катила, стремительно приближаясь к застывшей на месте старухе, что полными не страха, а скорее удивления глазами смотрела на неё. Вдруг Фейга, весь день со стороны наблюдавшая за женщиной, с истошным криком бросилась к ней, в последний момент, повалив на землю и несущаяся подвода врезалась бортом в забор, а колёса замерли в считанных дюймах.

Бросив работу, все кто был в доме выбежали на улицу, глядя с крыльца на лежащих в грязи плачущих женщин. Но ник-то не подошёл к ним, словно это было опасно, будто боялись они, зная об уготованной Хлое участи накликают несчастье и на себя. С трудом подняв старуху на ноги, Фейга вела её к дому. Неохотно расступившись, писцы глядели им в след, а стоящий в стороне Бальтазар сказал, выражая общее мнение:

– Тебе не изменить судьбу.

– О чём это ты? – спросила Хлоя, недоумённо глядя на хозяина дома, тот мочал и не выдержав, Ронин, один из писцов, совсем молодой мужчина ответил:

– Девчонка видела во сне тебя мёртвой, – старуха остановилась, переводя дыхание, и оперев руки в бока, спросила Фейгу, глядя на неё ставшим вдруг пустым взглядом: – Почему ты не сказала мне, что моё время пришло?

– Это только глупый сон.

– Нет, в Башне Молчания уже заждались меня души предков. Вся моя родня давно там, лишь я ещё зачем-то топчу землю.

– Не тебе это решать. Я сама чуть было не умерла раньше срока, но Валаам спас меня, вырвав из лап смерти. Считаю, что отдаю долг.

– Ты – другое дело, я совсем старуха, меня ничего больше не держит здесь.

– Не тебе это решать, – повторила девочка и, оставив женщину во дворе, пошла к дому, бросив напоследок: – Не смей больше умирать. Я спасла тебя раз, спасу и второй, но если ты не хочешь жить, я ничего не смогу сделать.

Прошло несколько похожих друг на друга дней. Хлоя полностью бросив заниматься домом, готовилась к смерти, ожидая её каждое мгновение, но смерть не спешила и старуха сидела целыми днями на улице, безучастно глядя на обыденную суету вокруг. Теперь на Фейгу

легли все заботы; Бальтазар подумывал взять ей помощницу, но пока Хлоя была здесь, дом считался помеченным смертью.

Непорочная Дева была Богиней нового Добробрана, культом избранных – узкого круга королевских вельмож, среди простых людей верование в Отверженного Бога оставалось непоколебимо. Пусть клирики Храма считали его нечестивым, народ настойчиво цеплялся за старую веру, как за разорванную материнскую пуповину, сохраняя в душе традиции предков. Нужно было время, много времени, чтобы одна из этих традиций победила окончательно, либо обе они слились воедино, в своеобразный симбиоз.

Прошло пять дней после того, как катящаяся телега едва не раздавила Хлою. Всё это время служанка просидела во дворе, и Фейге приходилось почти насильно кормить её, ухаживая как за маленьким ребёнком. От тревожных ожиданий или просто от неподвижного сидения ноги её разболелись ещё больше, и Бальтазар с трудом уговорил писцов занести её в дом. Теперь она лежала в их общей комнате, и девочке удавалось с большим трудом заставить её выйти к столу. В один из таких редких моментов, кусок лукового пирога попал не в то горло. Старуха закашлялась, кровь прилила к голове, казалась, сейчас она лопнет от чудовищного давления. Хлоя задыхалась, умирая мучительной смертью у всех на глазах, но Бальтазар и все остальные бывшие в тот момент за столом ни сделали ничего, чтобы спасти её, завороченно глядя на содрогаящуюся в конвульсиях женщину, уверенные в том, что такова воля Небес.

Но тут из глубины дома раздался быстро приближающийся стук деревянных подошв и, влетев в трапезную, Фейга замерла на миг, а потом бросилась к женщине. Тщетно она пыталась ей помочь и тогда с перекошенным от злости и бессилия лицом потребовала от Бальтазара:

– Сделай что-нибудь! Возьми, свой чёртов посох и верни её к жизни, ведь она сейчас задохнётся! – но старик скорбно глядя на неё лишь ответил:

– Ник-то не может изменить судьбу.

– Не говори за всех, мерзкий старик. Валаам не раз исцелял людей, и мёртвые оживали по слову его, ты же готов дать умереть нам всем, если это совпадает с догмами твоей веры. – Кричала Фейга, пытаясь вернуть к жизни несчастную. Она трясла её, пытаясь протолкнуть застрявшую пищу, но всё было тщетно, и Хлоя умирала, заходясь в кашле. И тут резко поднявшись, старик сделал к ней шаг, занеся над головой руку, и девочка решила, что он ударит её за дерзкие слова, но вместо этого Бальтазар хлопнул ладонью старуху между лопаток. Злополучные крошки выпали изо рта комком чёрной слизи, и служанка сделала глубокий хриплый вдох.

– Извини, Хлоя, – сочувственно произнёс Бальтазар, извиняясь за слабость сострадания, не давшую ей смерти, она же со свистом жадно хватала воздух посиневшими губами глядя безумным взглядом на сидевших напротив писцов. Даже когда старуху вернули к жизни ни один из них не нашёл в себе силы сказать ей хоть слово.

***

Время шло, неумолимо приближаясь к весне. Влажные ветры теперь дули с юга, пробуждая землю от зимнего сна; ночь уменьшалась, словно тая в ладонях становящихся всё длиннее дней. Шедший неделю дождь и снег верховий наполнили Лею, и она, упираясь в левый берег почти у горизонта стремительно несла свои воды к низовьям, где-то там, у далёкого Форты Канингема впадая в Азгорское море.

Ещё в день жестокого сновидения, Фейга раздумывая над ним, пришла к выводу, что нужно, во что бы то ни стало найти кодекс, из которого воробей вытащил розу, ибо он есть ключ к происходящему. Но как ни всматривалась в корешки книг, ничего похожего увидеть не смогла. Потом на неё навалились заботы с Хлоей, работой по дому и обучению грамоте и лишь спустя несколько дней она, принеся лестницу, приступила к поискам.

Беря с полки книгу за книгой, она внимательно вглядывалась в них, листала страницы, но ничего важного не замечала. В основном то были молитвенники и проповеди Ария, религиозные трактаты да редкие рукописи на другие темы. Пройдя один ряд верхней полки, она приня-

лась за другой. Книжный шкаф высотой в добрые десять футов занимал всю стену от пола до потолка, и лестница, удобная высокому Бальтазару была недостаточной для маленькой Фейги. Стоя на цыпочках на верхней ступени она осторожно переставляла тяжёлые фолианты, и вдруг потеряв равновесие, схватилась за корешок ближнего к себе кодекса. Книги с лежащими на них рукописями зашатались и, спрыгнув на пол, закрыв голову руками, девочка с замиранием сердца ждала, что шкаф сейчас придавит её, но этого к счастью не произошло. С сожалением глядя на прерванную работу она бросила оставшийся в руке маленький кодекс на стол, собираясь вновь взбираться по лестнице, и в этот момент из страниц вывалился засушенный стебель. Пусть это была не чёрная роза, а обычный придорожный цветок аналогия казалась слишком явной и девочка с замиранием сердца схватила кодекс, раскрыв на своеобразной закладке.

Несколько иллюстраций чередовал текст на чужом языке, букв которого Фейга не знала, но под каждым изображением шёл убористым шрифтом краткий перевод на язык Добробрана. Сомнений не было, что эта та книга, которую искала и, она, снедаемая нетерпением, погрузилась в изучение найденного трактата.

На одном из рисунков изобразили распухшую человеческую ногу, с вздувшимися венами, почти такая же, как нога Хлои. На следующем, на ногах не было кожи, и как догадалась девочка, автор изобразил вены здорового человека и человека больного, словно закупоренные от не-прохождения крови. Жадно вчитываясь в мелкий шрифт Фейга поняла, что эту болезнь, в основном малоподвижных пожилых людей лечат отварами трав и диетой, из которой исключают мучное и жирное, заменяя овощами и фруктами. Вот только сейчас в конце зимы их могли позволить себе богатые люди, бедняки же довольствовались пищей, которую могли раздобыть.

Девочка увлеклась составлением букв в подходящие по смыслу слова и не сразу услышала шаги Бальтазара. Старик удивлённо смотрел на učinённый кавардак а, увидев книгу в её руках заметил:

– Я уже почти забыл, про неё. Она на старовиенорском, я взял её как-то из библиотеки Храма, намереваясь вскоре вернуть, но жизнь повернулась так, что сделать этого не смог. И вот теперь трактат пригодился. Но откуда ты знала, где нужно искать? – не вдаваясь в объяснения, девочка лишь пожала плечами, спросив с уважением:

– Ты знаешь другие языки?

– Не все, лишь некоторые. Но перевёл не я, а кто-то из братьев.

– Помочь Хлое сможет отвар из лугового клевера, листьев берёзы и донника. Сейчас зима, нет ни травы, ни листьев, а до весны старуха не доживёт.

– На всё воля Божья, – смиренно изрёк Бальтазар, по многолетней привычке хватаясь за шерстяной пояс, запоздало вспомнив, что с некоторых пор не носит его. – Не знаю, будет ли в этом толк, но я дам тебе немного серебра и ты сможешь купить всё, что нужно у травников. А лучше найди знахаря, он точно поможет тебе; лучше них мало кто разбирается в леченных травами.

Обрадовавшись, Фейга сложила на место рассыпавшиеся рукописи и, не теряя времени, быстро пошла к рынку. Когда она добралась до торговых рядов, уже вечерело, и базарный люд расходился по домам. У входа седая сторбленная старуха с длинным крючковатым носом торговала целебными снадобьями, и лечащим простудную хворь корнем, но для Фейги у неё ничего не нашлось и та спросила: – Не знаешь ли ты, где мне найти знахарей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.